

ВОСПОМИНАНИЯ

8

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

24 ноября 2010 года (№47)

Городской еженедельник
СОВЕТСКИЙ РАЙОН

Фото Вячеслава КЮСЮМИЦА

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Судьба гомельчанки Лилии Бабейкиной уникальна, но и весьма характерна для многих её ровесников — тех, кто встретил Великую Отечественную семилетним ребёнком.

Немецкая школа с советским уклоном

— Располагалась она, — вспоминает Лилия Михайловна, — на улице Хмельницкого, в деревянном здании, где до недавнего времени был Дом детского технического творчества. Называлась «1-я железнодорожная», потому что учились в ней не только дети с нашей Полесской улицы, но и со всего примыкавшего к железной дороге района. Никакой торжественной линейки, о которой так мечтала, 1 сентября 1941 года не было. Просто пришли в класс, где на стене уже висел огромный портрет Гитлера. Нашли фрицы что повесить: наши мальчишки на переменах, почти не таёсь, в него плевали. Счастье ещё, что за всё время в школу заглянул лишь один какой-то немецкий чин, а то бы быть беде. Да не одной! Читать-то мы учились по совет-ским букварям (других не было), а в них на каждой странице слова «Ленин», «Сталин», «колхоз», «пионер»... Их немцы приказали заклеймить. Так наша учительница (жаль, не помню её фамилии) для этого откуда-то достала огромный дефицит — куски папиросной бумаги, которая в то время была для курильщиков на вес золота. Запрещённые слова заклеймить-то мы заклеймили, приказ коменданта выполнили, да только ведь читать их через почти прозрачную бумагу всё равно можно было. Мы и читали с молчаливого согласия и под одобрительные взгляды учительницы. Но читали же все вслух, поэтому одного человека всегда «выгоняли» из класса, чтобы в коридоре дежурил. Лишь повзрослев, я поняла, как рисковала эта отважная женщина, заботливо взращая и пестуя в нас, несмышлёнышках, ростки настоящего патриотизма и любви к своей Родине.

Но на войне люди взрослеют быстро, и в свои 8-9 лет мы тоже уже многое понимали. Знали, например, что мадьяры (венгры), которые пришли в Гомель вместе с немцами, не очень за Гитлера хотели воевать, да и к нам относились доброжелательно. Во всяком случае, у них всегда можно было разжиться хлебом, выменяв его на что-нибудь. Немцы же к своим полевым кухням нас и близко не подпускали. Хуже того, могли всё отобрать, да ещё тумачок надавать.

Но больше всего мы боялись власовцев и полицаяв из числа местных предателей — эти грабили не стесняясь, тащили всё подряд. Застрелить человека, защищавшего своё добро, им ничего не стоило.

Догадывались мы и о том, для чего периодически поздними вечерами собирались парни и девушки на чердаке железнодорожной поликлиники на улице Бедного. Все они были комсомольцами, а верховодила у них очень красивая девушка со странным именем Ара. К ним даже один немецкий солдат ходил, старшие поговаривали, что он антифашист. Уж не знаю, кем он там был, а только летом 1943 года, в самый канун освобождения, немцы Ару увели, и больше её никто не видел.

Своя бомба не убьёт

Осенью 1943 года в Гомеле уже отчётливо была слышна артиллерийская канонада, всё чаще стала совершать налёты советская авиация. Бомбили сильно, но мы этому только радовались и даже не прятались в укрытия. В 1941, когда над Гомелем постоянно висели

ГОМЕЛЬ ЗНУЮ СОВЕТСКИ!
ПРАМУ НЕМЕЦКОЙ АБАРНЫ
Войска Егоровича Фрося у линии Паск-Холога - неуступливо 26 листопада атакували суйным главным центром БССР - ГОМЕЛЬ!
На дзек нашой войска, размешчаны у райёне Прыдубна, сарайшы у воструводе.
Патрыцкая фарсирывашы рэки Сем и Прыдубна, советская войска прарываля вольны ушачываюць абаронную паласу прарываюць прадган на Фронту 60 км. и, прарываюць уварод ад 18 до 45 км., закали больш 210 населеных пункта, сярэд яких райцэнтры Гомельскай обл. НАРМА, ЖУРАВНЫ и Могилёўскай - ПРЫДУБНА.
а вандальнаму саміаформіро.
25 ДИСТОКА 1943 ГОДА.

немецкие бомбардировщики, мы укрывались в помещениях продуктовых складов, оборудованных под обрывом Сожа в парке. Сейчас это кажется глупостью и безрасудством, а тогда не только дети, но и взрослые свято верили: своя бомба не убьёт.

Забегали, как застигнутые врасплох тараканы, и немцы со своими прихвостнями. Хорошо помню, как на улице Горького почти неделю стоял обоз власовцев. По ночам он снимался с места, куда-то уходил, но к утру появлялся вновь. Знающие люди шептались: пытаются на запад пробиться, да не могут. В конце концов все эти вояки разбежались кто куда.

А немцы лютовали, словно раненные звери. В один из холодных ноябрьских дней нас с бабушкой выгнали из дома и вместе с огромной толпой соседей погнали по Хмельницкого, не дав ничего взять из тёплых вещей. Когда проходили мимо дома знакомой тёти Шуры (она работала у немцев уборщицей, носила нашивку «ос», и потому немцы её не трогали), услышали, как она кричит, спрятавшись за занавеской «Бегите!» Улучив момент, мы с бабушкой и ещё одна старушка нырнули в проулок и попали во двор мужчины, который тоже работал у немцев возницей. В узком простенке между домом и сараем он соорудил нечто вроде шалаша, поставил старое ведро для попятных целей и там мы просидели на пронизывающем ветру несколько дней и ночей. Затем нас с бабушкой забрала к себе тётя Шура и спрятала на чердаке. Помню, каким это было счастьем: дожидаться вечера, пока хо-

зайка затопит печь, и потом прижаться к горячей трубе всем телом. Несколько раз в дом заходили немцы и полицаи, всё спрашивали о нас, но тётя Шура лишь разводила руками — не видела, мол, никого. Позже мы узнали, что людей в тот трагический день немцы погнали в Речницу, а оттуда, кто дошёл — в Озаричи, в концлагерь.

«Наши пришли!»

А старенький дом уже буквально сотрясало от близких разрывов, то и дело раздавалась винтовочная стрельба. Утром 26 ноября мы с бабушкой проснулись в звенящей тишине. Я подошла к чердачному окошку и стала смотреть на руины центра города, туда, где сейчас телебашня. Ни одного человека не было видно. До сих пор помню чувство ужаса, от которого подкашивались ноги: никого нет, всех убили или угнали... И вдруг беззвучно, словно в немом кино, на улице Полесской показалась медленно ползущая полуторка, в разболтанном кузове которой стоял молоденький солдат и размахивал красным флагом. От моего

радостного вопля «Наши пришли!» у бабули чуть сердце не остановилось.

И вот представьте картину: с чердака кубарем скатываются старый и мальи, на грохот из горницы выскакивает насмерть перепуганная и ничего не понимающая тётя Шура, но, словно пароль, услышав волшебное-чарующее слово «Наши!», полуодетая, вслед за нами выбегает на улицу. И из других дворов (откуда только взялись?) тоже появились счастливые, рыдающие от счастья люди. Как того бедного солдата в объятьях не задушили — не представляю...

К вечеру город буквально заполонили войска. На нашей улице возле каждого дома стояли «катюши». Мы, детвора, нарадоваться не могли, глядя на эту силу. В нашем разорённом доме остановились на постой артиллеристы, соорудили, из чего попало, нары в три яруса. Уставшие бойцы всё норовили прикорнуть, а я, подходя к то одному, то к другому, всех допрашивала вопросом: «Дяденька наш солдат, а немцы правда больше не придут? Никогда, никогда?» Один из них, кряхтя, поднялся с нар, погладил меня по голове и, буркнув, «Не будет больше немцев, дочка, не бойся... До Берлина их догоним, и там закопаем! А ты погоди-ка...», вышел. Через несколько минут вернулся с полным котелком дымящейся гречневой каши с тушёной и тёплой ещё буханкой хлеба. Ничего вкуснее я в своей жизни больше не ела...»

Вот такой нехитрый рассказ человека, пережившего оккупацию, и в неполные десять лет имевшего редкостную силу духа и непоколебимую веру в нашу Победу. В которую она твёрдо верит до сих пор.

Александр ЕВСЕЕНКО.